

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ОПТИКЕ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

DOI 10.15826/koinon.2021.02.4.037

УДК 7.01 + 130.2:7 + 141.2 + 141.3

ЭСТЕТИКА КАК ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА В СИТУАЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Н. А. Хренов

Государственный институт искусствознания
Москва, Россия

Аннотация: В статье ставится задача соотнести эстетику с наукой о культуре, которая на рубеже XX–XXI веков все больше привлекает к себе внимание. Такая соотнесенность способна породить целое научное направление, которое можно было бы назвать культурологической эстетикой. В этом случае необходимы аргументы. Дело в том, что наука о культуре сегодня привлекает другие гуманитарные науки своей универсальностью и способностью интегрировать знания, существующие в других науках. Казалось бы, этой тенденции в интеграции не соответствуют процессы современной науки, в которой на поздних этапах истории акцент ставился не на интеграции, а на дифференциации. Эстетика здесь не исключение. Как философия, так и эстетика XX века раздробилась на несколько направлений. Тем не менее, как доказывается в статье, в истории эстетики и, еще точнее, на ее ранних этапах существовала эстетическая система, определяющая все разновидности эстетического. Это исключаящая обособление эстетического в отдельную сферу онтологическая эстетика. Возникнув в Античности, онтологическая эстетика стала эстетикой бытия. Эстетическое не обладало самостоятельностью, как это будет в эстетике Нового времени, и было признаком самого бытия. Именно эта эстетическая система обладала исключительным

универсализмом. В истории культуры такое проявление эстетического постоянно возвращалось, но все же не становилось определяющим. Однако чем ближе к XX веку, тем потребность в интеграции обособившихся направлений дает все более о себе знать. Обладая преимуществом в процессах интеграции, онтологическая эстетика становится созвучной науке о культуре, а точнее, тому интегративному потенциалу, что в этой науке содержится. Именно это обстоятельство и должно учитываться энтузиастами, разрабатывающими проблематику культурологической эстетики.

Ключевые слова: эстетика, наука о культуре, гуманитарные науки, культурологическая эстетика, кризис эстетики, марксистская эстетика, неомарксизм, опредмечивание, отчуждение, неоплатонизм, онтологическая эстетика, И. Кант, В. Дильтей, В. Бычков, Г. Лукач, У. Эко, А. Лосев.

Для цитирования: *Хренов Н. А. Эстетика как гуманитарная наука в ситуации становления культурологической рефлексии // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 13–25. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.037*

AESTHETICS AS A HUMAN SCIENCE IN THE SITUATION OF CULTUROLOGICAL REFLECTION BECOMING

N. A. Khrenov

State Institute for Arts Studies
Moscow, Russia

Abstract: The article aims to correlate aesthetics with the science of culture, which is increasingly attracting attention at the turn of the XX–XXI centuries. This correlation can give rise to a whole scientific direction, which could be called cultural aesthetics. In this case, arguments are needed. The fact is that the science of culture today attracts other humanities with its universality and ability to integrate knowledge existing in other sciences. It would seem that this trend in integration does not correspond to the processes of modern science, in which, at the later stages of history, the emphasis was placed not on integration but differentiation. Aesthetics is no exception here. Both philosophy and aesthetics of the twentieth century fragmented into several directions. Nevertheless, as the article proves, in the history of aesthetics and, more precisely, at its early stages, there was an aesthetic system that defined all kinds of aesthetics. This is an ontological aesthetic that excludes the separation of the aesthetic into a separate sphere. Having arisen in antiquity, ontological aesthetics became the aesthetics of being. The aesthetic did not have independence, as it would be in the aesthetics of the New Time, and was a sign of being itself. It was this aesthetic system that had an exceptional universalism. In the history of culture, such a manifestation of the aesthetic constantly returned but still did not become decisive. However, the closer to the twentieth century,

the more evident the need for the integration of isolated trends becomes. Having an advantage in integration processes, ontological aesthetics becomes consonant with the science of culture, or rather, with the integrative potential that this science contains. It is this circumstance that should be taken into account by enthusiasts who develop the problems of cultural aesthetics.

Keywords: Aesthetics, the science of culture, humanities, cultural aesthetics, the crisis of aesthetics, Marxist aesthetics, neo-Marxism, objectification, alienation, Neoplatonism, ontological aesthetics, I. Kant, V. Dilthey, V. Bychkov, G. Lukach, U. Eco, A. Losev.

For citation: Khrenov, N. A. (2021), "Aesthetics as a Human Science in the Situation of Culturological Reflection Becoming", *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 13–25 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.037

Несмотря на то что культурологическая рефлексия сегодня активно воздействует на все гуманитарные науки, высказываться по этой проблематике весьма ответственно. Ответственно потому, что здесь многое еще неясно. Да, уже несколько десятилетий, с начала вспыхнувшего в России интереса к вопросам культуры, возникает вопрос о соотношении науки о культуре и эстетики. Так, в списке проблем для обсуждения на Эстетическом форуме, проведенном в 2021 году, фигурировало словосочетание «культурализация современной эстетики». Создается ощущение, что вроде бы ничего подобного в прошлом в истории эстетики не было. Но очевидно, что все эстетические системы зависимы от тех процессов, что происходят в культуре. Вообще, Й. Хейзинга утверждает, что наше представление о культуре в первую очередь связано не с наукой или технологией, а именно с эстетикой. Попробуем показать, что включение эстетического как признака культуры в истории было всегда, но только этот синтез не был отрефлексирован. Не было науки о культуре. Рефлексия началась под воздействием становления культурологического знания. Правда, этот процесс наталкивается на плюрализм эстетических систем. Обратим внимание на то, что в истории эстетики очень рано возникла одна из таких систем, и именно она сегодня ближе всего находится к проблематике культуры. Проблема состоит лишь в том, что, оказываясь реальной на протяжении всей истории, она, тем не менее, влачила латентное существование. Но ее все же можно фиксировать и в разные эпохи, и в разных культурах. В ней художественное и нехудожественное, эстетическое и утилитарное вступают в специфические отношения. Будем под этим подразумевать то, о чем говорили некоторые докладчики на Втором Эстетическом конгрессе, употребляя словосочетания «тотальная эстетизация реальности» и «расширение границ эстетического опыта». Может быть, европейская эстетика последних столетий эту традицию полностью возродить оказалась неспособной. Как это ни покажется странным, ее можно

обнаружить даже в той эстетике, которую в нашей стране еще не так давно называли марксистской.

Каждая наука в своем становлении проходит разные этапы. Один из таких этапов — кризис науки. О том, что это такое, хорошо сказано у Т. Куна [Кун 1975]. Не миновала этого этапа и эстетика. Чтобы понять, в каком состоянии сегодня находится эстетика, необходимо, во-первых, использовать исторический подход (воспроизведение предшествующих ситуаций позволит понять сегодняшний день); во-вторых, рассмотреть эту дисциплину в контексте других гуманитарных наук; в-третьих, понять, в каких отношениях находится эстетика с опытом современного искусства, и, наконец, в-четвертых, иметь в виду носителей эстетического, а применительно к XX веку — носителей массового сознания как проблемы этого столетия.

И вот констатация ситуации одного из самых успешных эстетиков нашего времени — В. Бычкова. Он фиксирует парадокс, утверждая, что эстетика не отреагировала на современные художественные процессы, проигнорировала их. В своей публикации в «Вопросах философии» он утверждал, что эстетика спустилась на уровень школьной дисциплины, пережевывая опыт классической эстетики и классического искусства от Античности до конца XX века [Бычков 2003, с. 80]. Правда, это суждение сделано в ситуации необычайного, но запоздавшего в России увлечения постмодернизмом, продолжающегося до сих пор. Но такая ситуация в эстетике, конечно, — не новость. Нечто подобное еще в XIX веке фиксировал В. Дильтей. Он писал: «Созданная Аристотелем поэтика мертва» [Дильтей 2001, с. 267]. Он пишет: наша эстетика хотя и продолжает существовать на университетских кафедрах, но не в сознании художников. Как мы видим, это констатация того же, что сегодня констатирует В. Бычков.

А как В. Дильтей характеризует искусство? Он пишет: в ситуации преодоления европоцентризма в европейское искусство вторгаются элементы разных культур, а следовательно, и разных эстетик. В том числе эстетические представления Востока, что вообще-то началось еще с А. Шопенгауэра. Но эта закономерность характерна и для сегодняшнего дня. Сегодня эстетика соотносима не только с природой (Кант) и не только с Духом (Гегель), но и с культурой. Какой же выход из этой ситуации предлагает В. Дильтей? Он констатирует начавшийся переходный период, который должен закончиться возникновением и новой культуры, и новой эстетической системы. Осмысляя прошлое, мы ожидаем чего-то нового. Следует признать, что этот прогноз В. Дильтея верен. За более чем столетие ситуация не изменилась. Но только философ не углубляется в тип и смысл переходности, начавшейся еще в XIX веке. Его мысль следует продолжить.

Спустя более столетия В. Бычков буквально повторит В. Дильтея. Он сформулирует, что XX век был последним веком посткультурного перехода к чему-то принципиально иному. Кажется, что В. Дильтей констатирует начало

переходности, и В. Бычков вроде бы должен фиксировать ее финал. Но этого утверждать нельзя. В. Бычков лишь констатирует расширение и углубление этого процесса. Он затягивается. Затягивается, поскольку это необычный переход, и в истории он случается редко. Этот переход совершается уже на уровне культуры, и развертывается он в больших длительностях. А когда он происходит, начинается, во-первых, регресс в архаику на ранние стадии культуры, а во-вторых, активная ассимиляция других культур. Это неизбежные последствия переходности, растягивающиеся на многие десятилетия. Без этого синтез того, что кажется существующей культуре и эстетике чужеродным, вроде бы невозможен. Продемонстрируем это на примере эстетики XX века, которая единой явно не была. И это тоже является признаком переходности. Судьба эстетики XX века оказалась в зависимости от развертывающегося в культуре переходного периода. Это обстоятельство обязывает рассматривать эстетические процессы в культурологической перспективе. Становление эстетических ценностей в XX веке развертывается в соответствии с процессами возникающей новой культуры. В XX веке появились новые эстетические системы как следствие раздробления философии на разные направления. Как это было на финальной стадии Античности.

В качестве иллюстрации развертывающегося процесса обратим внимание на проект марксистской эстетики. То, что во время Эстетического конгресса А. Радеев в своем выступлении назвал «большим нарративом». Правда, эта эстетика уже умерла. Сегодня о ней не вспоминают. А была ли она вообще? Вообще-то, в первой половине прошлого столетия в ее существовании никто не сомневался. Она называлась марксистско-ленинской эстетикой и преподавалась в высших учебных заведениях. В эпоху «оттепели» ее представляло целое научное сообщество отечественных философов, специализировавшихся по этой проблематике. И вообще, с начала 60-х эта эстетика переживала что-то вроде ренессанса, демонстрируя то, что тогда обозначалось как «социализм с человеческим лицом». Едва ли это лицо можно было разглядеть без эстетики. Без этого ренессанса эстетики атмосфера оттепели была бы неполной.

Эти авторитетные ученые не сомневались в том, что марксистская эстетика существует. А вот Георг Лукач (четыре тома его марксистской эстетики у нас изданы), которого Н. Бердяев назвал «самым умным из коммунистических писателей», утверждал, что марксистской эстетики еще не существует. Ее еще только предстоит создать [Лукач 1985, с. 10]. Это он писал не в 30-х годах, когда он жил и работал в Советском Союзе, а в 60-х, когда была написана его книга. Но надежды на ее создание не оправдались. И дело тут не в эстетике, а в социальном контексте. Потерпел крах марксизм как теория социализма, а вместе с ним и целое мировоззрение, а именно модерн. Ведь, как пишет Ф. Джеймисон, марксизм — это ответвление и продолжение модерна как философской традиции [Джеймисон 2019, с. 668]. Один их вариантов модерна.

В ходе конгресса И. Смирнов говорил о понижении сегодня статуса искусства. Конечно, речь не идет о «смерти искусства», что прогнозировал еще Гегель. Но ведь подхватывает же это словосочетание Гегеля М. Хайдеггер и применяет его к осмыслению современной ситуации.

Но если крах марксизма имел место, то о марксистской эстетике этого сказать нельзя. Наоборот. Это парадокс. Чем очевидней становился кризис марксизма, тем заметней оказывался интерес к Марксу именно с точки зрения эстетики, что получило потом развитие в неомарксизме. Этот интерес связан с открытием одной из ранних работ Маркса, которая, как представляется, становится основой эстетического ренессанса в России. Это «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Новый интерес к Марксу связан с открытием его как философа. Этот самый парадоксальный интерес к Марксу в ситуации угасания в Советском Союзе марксизма как теоретической основы социалистического утопизма связан не столько со ставшим уже ортодоксальным марксизмом, сколько с неомарксизмом, получившим развитие в западной философии. Ведь марксизм умирал в большей степени как политическая и экономическая доктрина, но не умирал как философия. Марксизм как философия получил продолжение в деятельности так называемой Франкфуртской школы за рубежом. Об этом говорится в книге А. Дмитриева «Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа. 1920–1930-е годы» [Дмитриев 2004].

Ключевым концептом этой философии стал концепт отчуждения, что, с одной стороны, возвращало идеи Маркса к Гегелю (поскольку этот концепт впервые сформулирован Гегелем), а с другой, делало ранний марксизм созвучным экзистенциализму. Гегель, правда, называл этот концепт «опредмечиванием». Так, ранний Маркс давал возможность в Советской России анализировать то искусство, которое оказывалось под воздействием экзистенциализма. В этом смысле весьма показательна возвращающая к Марксу работа Умберто Эко «О способе формообразования как отражении действительности» [Эко 2018]. Это обстоятельство позволило опубликовать в России работу Сартра «Экзистенциализм — это гуманизм» [Сартр 1953]. Она подтверждала суждение близкого к экзистенциализму Н. Бердяева о том, что в марксизме имеются элементы «настоящей экзистенциальной философии, обнаруживающей иллюзию и обман объективации, преодолевающей человеческой активностью мир объективированных вещей» [Бердяев 1990, с. 82].

То, что до сих пор сказано, в общем, известно. Но хочется посмотреть на марксистскую эстетику с точки зрения сегодняшнего дня. В свете той ситуации в гуманитарных науках, что связана с бурным развитием в нашей стране культурологии. Что это было? Что представляла собой марксистская эстетика? И была ли эта эстетика марксистской? Может быть, это только лингвистический вопрос? Под этим обозначением была какая-то другая эстетика? Существовавшая в латентном состоянии. Вопреки той идеологии, в которую

она была упакована. Но чтобы на этот вопрос ответить, необходимо взглянуть на эстетический дискурс с культурологической точки зрения. Необходимо рассмотреть эстетический дискурс как интертекст, т. е. увидеть в нем предшествующие традиции. Вот и в марксизме если что-то и воспринималось живым, не утратившим связь с жизнью, как и с искусством, то это было совсем не марксистским, а философским, т. е. уже в истории философии известным.

Ведь даже классическая эстетика XVIII века возникала и утверждала себя на основе ретроспекций в эстетику Античности. Она тоже представляет собой интертекст. Так, гедонизм, о котором у Канта идет речь, возвращает к концепции Эпикура. Да и Дидро одним из первых проявляет интерес к Эпикуру, публикуя в своей «Энциклопедии» статью о нем. Эпикур — это вообще символ всех возможных в мировой истории оттепелей. Об этом у меня опубликована статья в новом журнале Российского эстетического общества «*Terra aetheticae*» [Хренов 2020]. Представляется, что и проект марксистской эстетики не свободен от ретроспекций. Но были ли они до конца осознаны? Так, невозможно не уловить в том, что называли марксистской эстетикой, онтологической традиции в философии.

В соответствии с этой идеей искусство перестает быть замкнутым феноменом, узкой и специальной сферой. Оно нарушает все ограничения, все существующие нормы и, вливаясь в бытие, в нем растворяется. Вот она — «тотальная эстетизация реальности», которая так волнует современных эстетиков. Эстетическое становится признаком самого бытия. По сути, это эстетика преодоления отчуждения мыслится новой свободной эстетикой. Если использовать терминологию Шпенглера, это система, рожденная теми людьми, которым дороже сама жизнь, а не контроль над ней. Поскольку ситуация была такова, что контроль над жизнью в реальности возобладал, новая эстетика не имела будущего. Между тем предвосхищение этой тенденции можно обнаружить и в философии, и в эстетической рефлексии, и в художественном опыте разных направлений. Такое видение заявлено, например, Н. Бердяевым в его сочинении «Смысл творчества» [Бердяев 1989, с. 334], которое можно назвать философским манифестом авангарда. По мнению философа, творческие усилия человека, как и создававшиеся до сих пор ценности культуры, лишь предваряли настоящую эпоху творчества, но уже не культуры, а самого бытия. Он считает, что религиозная эпоха творчества будет переходом к новому бытию, а не к иной только «культуре», не к иным «наукам и искусствам». Противоречие между искусством и жизнью в новом мире получит разрешение, ибо в нем творятся уже не художественные ценности, а само бытие.

Удивительно здесь то, что Н. Бердяев, представляющий религиозную философию и теургическую эстетику, зачинателем которой является В. Соловьев, созвучен тому, что будут утверждать и создавать представители художественного авангарда. Но еще более удивительным здесь оказывается то, что

в этих разнородных явлениях улавливается идея, возвращающая к ранним эпохам самосознания эстетики, и в частности к неоплатонической эстетике как эстетике позднего эллинизма. Но что это означает? А то, что речь идет уже о другом, не западном типе культуры и не о просветительской эстетике, последовательницей которой считается марксистская эстетика. С эпохой разрушения европоцентризма становится уязвимой и просветительская эстетика. Отныне эстетика перестает соотноситься исключительно с западной культурой. Начинается то, что констатировал В. Дильтей: вторжение в искусство и в эстетику Востока. И все это началось еще до постмодернизма.

Мы начинаем ощущать онтологическую идею, когда она предстала в форме, характерной для Античности и, еще точнее, в форме неоплатонизма. Созвучность теургической эстетики, в варианте В. Соловьева, неоплатонизму подтверждает и В. Бычков. Так, излагая учение В. Соловьева, смыслом которого является преодоление отчуждения искусства, в том числе и от религии, и отношение к человеку как сотворцу Бога, В. Бычков пишет: «Фактически это своеобразная теургическая интерпретация классического эстетического принципа идеала как цели художественного творчества или шире — развитие неоплатонической эстетики на новом витке знаний» [Бычков 2007, с. 83]. По поводу Плотина А. Лосев пишет: «Никакое искусство не сравнимо с бессознательным, хотя и абсолютно совершенным искусством самого бытия» [Лосев 2000, с. 879]. Можно ли более лаконично и точно сформулировать смысл онтологической традиции, чем это сделано в данном суждении А. Лосева?

Но ведь когда советские эстетики толковали раннего Маркса, речь у них тоже шла именно об этом — об искусстве самого бытия, о бытии, в котором эстетическое было одним из значимых его проявлений. Именно к такому, т. е. онтологическому, пониманию эстетического и возвращали эстетики, называя себя марксистами, хотя, как мы убеждаемся, подобные суждения марксизмом-то и не были. Однако это слияние искусства с бытием, а художественного с эстетическим — пока только идея, которую следует превратить в систему, в особую науку. Идея, возникшая еще до капитализма и позитивизма, но в его границах осознанная, на этот раз должна была быть реализованной в самой жизни. Вторгаясь в жизнь, эстетическое начало ее очеловечивает. Но это очеловечивает также и труд, превращающийся в наслаждение, каким он когда-то был. Об этом в 60-х годах прошлого века в книге «Труд и свобода» писал философ Ю. Давыдов [Давыдов 2008, с. 93]. Он тогда руководил сектором эстетики в Институте искусствознания. Однако реальность свидетельствует, что на пути к этому идеальному состоянию оказывается отчуждение в его новых, уже не капиталистических формах, когда жизнь и труд не очеловечиваются, а расчеловечиваются. Не эти ли идеи мы находим также у М. Хайдеггера?

Это движение к онтологизму, время от времени в истории возвращающееся, не проходит мимо Советской России. В какой-то степени такое отношение

к эстетическому оказалось созвучным революционным экспериментам. Эта новая и провозглашенная в 20-х годах XX в., а затем повторенная уже в период оттепели эстетика полностью не реализовалась, ибо не совмещалась с установками тоталитарного государства. Тем не менее в первые десятилетия прошлого столетия уже возникло нечто, что можно назвать традицией, и эта традиция будет иметь продолжение. Без начального этапа этой традиции, момента ее зарождения не представляется возможным проследить и понять ситуацию в оттепельной России, обозначенную нами как эстетический ренессанс. Да, рождение новой эстетики было созвучно революционным настроениям начала XX века, да и по самой своей природе эта эстетика была революционной. Ведь она явилась реакцией на кризис, о котором писал В. Дильтей.

Казалось бы, прогноз В. Дильтея сбывался. Может быть, марксистская эстетика и воспринималась в позитивном смысле лишь потому, что содержала в себе, пусть и в неосознаваемом виде, этот древнейший и модернизированный еще неоплатониками онтологизм. Как идея марксистская эстетика в ее онтологической ауре прекрасна. Если она и не получила реализации, то виной тому — не сама идея, а социальный контекст, не позволивший ей реализоваться. Более того, он способствовал ее свертыванию и угасанию. Но это не значит, что в будущем она также не будет реализована. В связи с этим актуален вопрос об особом типе историзма. В истории время от времени вспыхивает онтологическая эстетика, но и угасает, что позволяет говорить о циклической логике в истории эстетики. Эстетическое то рассматривается в узких границах, то расширяется до всей действительности. Вот она — эта «тотальная эстетизация реальности»! Представляется, что сегодня попытки возрождения онтологической традиции созвучны интересу к культуре. Культура — это ведь не какая-то узкая сфера жизни, а все то, что человек создает. Поэтому активность онтологизма может приблизить к тому, что можно назвать «культурологической эстетикой».

И последнее. В связи со активизацией онтологизма в эстетике нельзя переоценить то, что в эстетике сделано А. Лосевым. Ведь независимо от того, ставил ли А. Лосев своей целью объяснить происходящее в эстетике XX века с помощью античной эстетики, в смысл которой он так глубоко проникает, именно к этому выводу невольно приходишь. Удивительно, но увеличение с середины 50-х годов прошлого века публикаций на тему эстетики и увеличение числа авторов, специализирующихся по этой проблематике, которые часто просто повторяют друг друга, подлинное объяснение разворачивающихся эстетических процессов в стране все-таки можно получить, лишь сравнивая выводы А. Лосева, сделанные в результате его наблюдений над эстетическим опытом угаснувших эпох, с тем, что происходило в XX веке в России. Много-томное сочинение А. Лосева, посвященное античной эстетике, можно считать концентрированным выражением обновляющегося в XX веке понимания

эстетического, а значит, и предмета эстетики как науки. В связи с реабилитацией онтологической традиции в эстетике XX века может возникнуть что-то вроде противоречия. Ведь марксистская эстетика желала бы видеть себя продолжением эстетики Просвещения. Но возрождение онтологической традиции в эстетике этому, кажется, противоречит. Так, представляющий эстетику Просвещения Кант противопоставляет эстетическое утилитарному, связывая его с незаинтересованностью и самодовлеющей созерцательностью. Откуда у Канта этот акцент в эстетике на незаинтересованности и самодовлеющей созерцательности? В XVIII веке капитализм и позитивизм достигают высокой степени развития. В культуре нарастает утилитаризм, а вместе с ним и отчуждение, от чего нужно было уходить. На кантовской эстетике лежит печать своего времени. Но как быть сегодня в России в ситуации возрождающегося утилитаризма?

В онтологизме — иное. Здесь эстетическое утилитарному не противостоит. И такие авангардные направления, как модерн (мы сейчас под этим понятием подразумеваем уже не философский, а искусствоведческий смысл) и конструктивизм, это подтверждают. Сегодня «тотальная эстетизация реальности» может быть проиллюстрирована дизайном. Однако, что интересно, для А. Лосева, осознающего значимость онтологизма, кантовского противопоставления не существует. Доказывая положение о единстве эстетического и утилитарного, А. Лосев понимает, что его не все могут принять, ведь оно противоречит основным идеям, изложенным Кантом в своей эстетической системе. И противоречат апологии Просвещения в эстетике. Он пишет: «Очень многих волнует вопрос о том, каким же это образом эстетический предмет оказывается вне жизненной заинтересованности, выступая какой-то самодовлеющей беспредметностью, какой-то подозрительной практической незаинтересованностью, каким-то предметом, существующим вне всякой практической жизни» [Лосев 1992, с. 310].

Тем не менее, в соответствии с А. Лосевым, получается, что эстетическое самодовление утилитарности вовсе не мешает. Но раз не мешает, то мы получаем свободу в интерпретации эстетического сознания Античности, которое в истории удивительным образом постоянно повторяется и, кажется, в XX веке возрождается. Оно становится нам ближе и понятней. Но здесь невозможно не обратить внимание на то, что представления неоплатоников, касающиеся эстетической стихии, тоже ведь не исключают кантовской проблематики, во всяком случае в вопросе о сближении эстетического и игрового и об эстетическом как игровом. Плотин ведь тоже размышляет о «человеке играющем». Так что во многих своих представлениях западноевропейская эстетика тоже повторяет эстетику античную, хоть на это часто и не обращается внимание. Получается, что идея, касающаяся эстетического как игрового, не была открыта Кантом.

Как утверждает А. Лосев, игровое отношение к жизни — это именно античная идея. Она присуща и самому Платону. Плотин ее подхватывает именно у Платона. «Плотин хочет сказать, — пишет А. Лосев, — что эта всеобщая жизнь есть не что иное, как фактическое исполнение того, что заложено в самом сюжете мировой драмы, в ее сценарии, то есть, мы бы сказали, в том уме, который считается у Плотина высшей идейной сферой, осуществляемой при помощи Мировой Души в космосе» [Лосев 2000, с. 879]. По поводу уподобления человека актеру, что характерно для Плотина, А. Лосев говорит: «В этом потрясающем сравнении жизни с театральной сценой Плотин умудряется и сохранить сверхжизненную загипнотизированность самой жизни, и ее, можно сказать, роковой характер, а с другой стороны, также и огромную человеческую свободу, что вместе с ним мы и называем эстетикой предустановленной гармонии» [Там же].

Получается, что в этой ранней эстетической системе эстетическое, отделенное у Канта от утилитарного, утилитарному не противостоит. Но такого противостояния, видимо, не может быть и сегодня, когда технологии так сильно влияют на эстетическую и художественную сферу. В художественную сферу активно входят пласты и сферы нехудожественной реальности, что опять-таки можно проиллюстрировать дизайном. Онтологическая традиция, возрождающаяся в эстетике XX века, не противостоит и культуре, переживающей в это время переходный этап. Ведь как онтологическая эстетика пронизывает бытие в его самых разных проявлениях, не замыкаясь в специфическую сферу, так и культура в ее современном понимании обладает универсализмом, обнимая собой все созданное руками человека.

Заключая сказанное, подведем некоторые итоги. Одним из основных признаков культурологического подхода, применяемого к гуманитарным наукам, является его универсальность. Каждая гуманитарная наука изучает лишь отдельные аспекты этого универсального предмета, т. е. культуры. Ни одна из существующих концепций (а в наше время мы имеем плюрализм таких концепций) не может быть положена в основу культурологического подхода. Такой основой может стать лишь та эстетическая система, которая также обладает универсальностью. А таковой является онтологическая эстетическая система. Это, конечно, парадокс, ведь это самая ранняя и самая древняя эстетическая система. Но суть переходности в культуре, что разворачивается в XX веке, как раз и заключается в реабилитации архаики, вообще ранних традиций. И об этом свидетельствуют разные направления художественного авангарда XX века. Именно на этой, т. е. онтологической, основе и следует искать точки соприкосновения эстетики и культурологии. И если культурологическая эстетика действительно существует, то она предстает именно в таком виде.

Список литературы

- Бердяев 1989 — *Бердяев Н.* Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989. 607 с.
- Бердяев 1990 — *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.
- Бычков 2003 — *Бычков В.* Феномен неклассического эстетического сознания // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 80–92.
- Бычков 2007 — *Бычков В.* Русская теургическая эстетика. М. : Ладомир, 2007. 743 с.
- Давыдов 2008 — *Давыдов Ю.* Труд и искусство : избранные сочинения / сост. В. В. Сапов. М. : Астрель, 2008. 670 с.
- Джеймисон 2019 — *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Дм. Кралечкина ; под науч. ред. А. Олейникова. Изд. 2-е, испр. М. : Изд-во Института Гайдара, 2019. 808 с.
- Дильтей 2001 — *Дильтей В.* Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4 : Герменевтика и теория литературы / под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова ; пер. с нем. под ред. В. В. Библихина, Н. С. Плотникова. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. 538 с.
- Дмитриев 2004 — *Дмитриев А.* Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930-е гг.). СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге ; М. : Летний сад, 2004. 528 с.
- Кун 1975 — *Кун Т.* Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова. М. : Прогресс, 1975. 288 с.
- Лосев 1992 — *Лосев А.* История античной эстетики : в 8 т. Т. 8 : Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. М. : Искусство, 1992. 656 с.
- Лосев 2000 — *Лосев А.* История античной эстетики : в 8 т. Т. 6 : Поздний эллинизм. М. : Фолио : АСТ, 2000. 832 с.
- Лукач 1985 — *Лукач Г.* Своеобразие эстетического : в 4 т. Т. 1 / пер. с нем. А. Ю. Айхенвальда, М. А. Журилской, А. Г. Левинтона и др. М. : Прогресс, 1985. 336 с.
- Сартр 1953 — *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм / пер. с фр. М. Грецкого. М. : Изд-во иностранной литературы, 1953. 42 с.
- Хренов 2020 — *Хренов Н. А.* Трагедия эпикуреизма: эпохи оттепели в истории культуры // Terra aetheticae. Официальный журнал Российского эстетического общества. 2020. № 1 (5). С. 42–78.
- Эко 2018 — *Эко У.* О способе формообразования как отражении действительности // Эко У. Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике / пер. с итал. А. Шурбелева. М. : АСТ : Corpus, 2018. С. 363–431.

References

- Berdyayev, N. (1989), *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Art], Pravda, Moscow, 607 p. (in Russian).
- Berdyayev, N. (1990), *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origin and Meaning of Russian Communism], Nauka, Moscow, 224 p. (in Russian).
- Bychkov, V. (2003), “The phenomenon of non-classical aesthetic consciousness”, *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 80–92 (in Russian).
- Bychkov, V. (2007), *Russkaya teurgicheskaya estetika* [Russian theurgical aesthetics], Ladomir, Moscow, 743 p. (in Russian).
- Davydov, Yu. (2000), *Trud i iskusstvo, izbrannye sochineniya* [Labor and Art, Selected Writings], Astrel, Moscow, 670 p. (in Russian).
- Dilthey, W. (2001), *Sobranie sochinenii, v 6 tomakh. Tom 4, Hermenevtika i teoriya literatury* [Collected works, in 6 vols, Vol. 4, Hermeneutics and theory of literature], translated by Bibikhin, V. V. and Plotnikov, N. S. (eds), Dom intellektual'noi knigi, Moscow, 538 p. (in Russian).
- Dmitriev, A. (2004), *Marksizm bez proletariata: Georg Lukach i rannaya Frankfurtskaya shkola (1920–1930)* [Marxism Without the Proletariat: Gyorgy Lukacs and the Early Frankfurt School

- of the 1920s and 1930s], European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Letnii sad, Moscow, 528 p. (in Russian).
- Eco, U. (2018), "On the Mode of the Formation as a Reflection of Reality", in Eco, U., *Opera aperta. Forma e indeterminazione nelle poetiche contemporanee*, translated by Shurbelev, A., AST, Corpus, Moscow, pp. 363–431 (in Russian).
- Jameson, F. (2019), *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*, translated by Kralachkin, D., 2nd ed., Gaidar Institute Publishing House, Moscow, 808 p. (in Russian).
- Khrenov, N. A. (2020), "The Tragedy of Epicureanism: The Thaw Era in Cultural History", *Terra aestheticae*, no. 1 (5), pp. 42–78 (in Russian).
- Kuhn, T. (1975), *The Structure of Scientific Revolutions*, translated by Naletov, I. Z., Progress, Moscow, 288 p. (in Russian).
- Losev, A. (1992), *Istoriya antichnoi estetiki, v 8 tomakh. Tom 8, Itogi tysyacheletnego razvitiya. Kniga 1* [The History of Classical Aesthetics, in 8 vols, Vol. 8, The Results of the Millennial Development, book 1], Iskusstvo, Moscow, 656 p. (in Russian).
- Losev, A. (2000), *Istoriya antichnoi estetiki, v 8 tomakh. Tom 6, Pozdnii ellinizm* [The History of Classical Aesthetics, in 8 vols, Vol. 6, Late Hellenism], Folio, AST, Moscow, 832 p. (in Russian).
- Lukacs, G. (1985), *Die Eigenart des Ästhetischen, in 4 vols, Vol. 1*, translated by Aikhenval'd, A. Yu., Zhuripskaya, M. A., Levinton, A. G. and Razlogova, B. E., Progress, Moscow, 336 p. (in Russian).
- Sartre, J.-P. (1953), *L'existentialisme est un humanism*, translated by Gretsii, M., Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 42 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 22.11.2021

Принята к публикации / Accepted: 13.12.2021

Информация об авторе

Хренов Николай Андреевич
доктор философских наук, профессор
Государственный институт искусствознания
125009, Россия, Москва, Козицкий пер., 5
E-mail: nihrenov@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-6890-7894

Information about author

Khrenov, Nikolay Andreevich
D. Sci (Philosophy), Professor
State Institute for Arts Studies
5 Kozitsky pereulok, Moscow, 125009
Russia
E-mail: nihrenov@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-6890-7894